

УДК 82-31

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР» (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

© Наталья Махинина, Марина Сидорова

HISTORICAL TIME IN E. VODOLAZKIN'S NOVEL "LAURUS"

Natalia Mahinina, Marina Sidorova

The article studies the features of the interpretation of "the historical time" in the novel "Laurus" by E. Vodolazkin, a Russian writer, philologist, expert in Old Russian literature. The fact that history is a process, characterized by the linear and continuous development, is now being questioned. The main objective of the study is to determine the nature of the writer's thoughts about the historical time, referring to the Russian Middle Ages, and to identify the forms of their implementation in his novel "Laurus". The study gives reasons to believe that the author argues against the "game with history" popular in modern literature, which plays with stereotyped methods, connecting historical and modern times. The article concludes that the author's attempt to summarize the previous experience of understanding history contradicts his doubts about the existence of the historical time, which actualizes the idea that the movement of history is determined by aspirations of God. According to the research results, E. Vodolazkin's novel can be defined as an experimental space, where the very possibility of the existence of history is consciously and productively interpreted, however, it is the statement of "perpetual motion" that becomes an axiom.

Keywords: E. Vodolazkin, historical time, game with history, Old Russian literature, Russian Middle Ages.

Темой статьи является исследование специфики интерпретации исторического времени в романе русского писателя, филолога, специалиста по древнерусской литературе Е. Водолазкина «Лавр». Обращение к данной теме связано с тем, что само существование истории как процесса, характеризующегося линейностью и непрерывностью развития, в настоящее время подвергается сомнению. Основной задачей исследования является определение сущности размышлений писателя, обращающегося к материалу русского Средневековья, об историческом времени и выявление форм их воплощения. Исследование романа «Лавр» дает основание утверждать, что полемика автора с устоявшейся формой игры с историей, которая в разных вариантах присутствует в современной литературе, разворачивается через обыгрывание стереотипных приемов соединения исторического и современного. В результате выявлено, что попытка автора суммировать предшествующий опыт понимания истории вступает в противоречие с его сомнениями по поводу существования самого исторического времени, что актуализирует мысль о том, что движение истории определяется устремленностью к Богу. Итогом исследования является определение романа Е. Водолазкина как экспериментального поля, в котором сознательно и очень продуктивно осмысливается сама возможность существования истории, но аксиомой становится лишь утверждение «вечного движения».

Ключевые слова: Е. Водолазкин, историческое время, игра с историей, древнерусская литература, русское Средневековье.

Трансформации, определяющие бытование современного исторического романа, во многом связаны с тем, что само существование истории как процесса, характеризующегося линейностью и непрерывностью развития, подвергается сомнению. Однако, на наш взгляд, этап констатаций такого рода идей уже пройден и сейчас в литературе разворачивается процесс интенсивного.

Примером такого перехода на новый уровень является роман доктора филологических наук, специалиста по древнерусской литературе, сотрудника Пушкинского Дома Е. Водолазкина «Лавр», опубликованный в 2012 году и ставший лауреатом премии «Большая книга». В основе романа – повествование о великом врачевателе Арсени, который на протяжении своей жизни

имел четыре имени. Последнее из них – Лавр – и дало название роману.

Автор сам заявляет о своей позиции, обозначив жанр своего произведения как «неисторический роман». И критика в первую очередь обратила внимание на его стремление уйти от уже сложившихся стереотипов изображения истории либо как игрового карнавального пространства, либо как тяжеловесного утверждения значимых национальных идей.

Однако такого рода уход, тем не менее, не освобождает писателя от бремени мучительных размышлений о проблеме истории, что и заставляет его обращаться к материалу русского средневековья.

Намеренное подчеркивание автором «неисторичности» своего произведения, на наш взгляд, определяет две особенности текста, которые необходимо раскрыть в размышлениях о его жанровой специфике.

Первая особенность – полемика автора с устоявшейся в современной литературе формой игры с историей. Она осуществляется через ироническое обыгрывание ставших стереотипными для исторического романа 1990–2000-х годов приемов соединения исторического и современного, таких как речевая организация, включающая в себя лексику и речевые обороты современной нам эпохи; присутствие в рамках иного времени примет современности; иронически-отстраняющее комментирование характерных для миропонимания определенной эпохи представлений о мире и человеке; введение эпизодов, повествующих о событиях и людях XX века.

Используя эти приемы, писатель намеренно лишает их игровой функции. Об этом свидетельствует то, что их функционирование носит внешне случайный характер, в нем трудно усмотреть систему. В качестве примера можно привести речевую характеристику старца Никандра, который является наставником и для деда героя Христофора, и для самого Арсения: *Но образ действий твой считаю, прости, экзотическим* [Водолазкин, с. 22]. Однако это не трагедизирует фигуру Никандра. Напротив, его образ приобретает большую весомость и достоверность. Как человек определенной эпохи и статуса, он соединяет в своей речи элементы церковнославянского языка и обыденной речи, что, прежде всего, выявляет в нем глубокую мудрость.

Такой же характер приобретают и другие приемы. Так, в момент наивысшего взлета жизни героя, когда любимая им женщина Устина носит в чреве желанного ребенка, возникает описание картины весенней природы: *Из-под снега полезла*

вся лесная неопрятность – прошлогодние листья, потерявшие цвет обрывки тряпок и потускневшие пластиковые бутылки [Там же, с. 82]. И вновь здесь собственно на первый план выходит акцентирование вневременного ощущения человеком наступления весны как некоего внутреннего напряжения, груза прошедшего, старого, утратившего ценность, от которого необходимо освободиться.

Прием иронически-отстраненного комментария появляется, например, в предельно трагической сцене, где Арсения разлучают с умершими женой и сыном. Это рассуждение о том, как воспринимались далекими предками заложные покойники:

Положение живых было, если разобраться, тоже не из простых. Хороня не принесших покаяния, они вызывали гнев матери сырой земли, и та отвечала весенними заморозками. Не хороня, вызывали гнев самих покойников, и в летнюю пору те безжалостно губили урожай. В этой сложной ситуации Семик и был, в сущности, соломоновым решением. Не предавая умерших земле до конца весны, земледельцы без ущерба для себя проходили период заморозков. Совершив же отпевание и похороны в седьмую неделю по Пасхе, они могли надеяться, что мстительные покойники не уничтожат созревший урожай [Там же, с. 109].

Мягкая ирония обозначает ограниченность сознания человека рамками его собственных представлений о мире, которые в свете нравственной и бытийной трагедии героя демонстрируют свою наивность.

Таким образом, открывается новый смысл ставших уже привычными приемов отображения истории в современной литературе. Они должны продемонстрировать напряженные размышления автора о проблеме истории.

С этими размышлениями связано и функционирование в тексте романа образа книги «Александрия», которая, собственно, и стала одним из произведений средневековой литературы, заложивших основу жанра исторического романа. Однако, как известно, в том варианте «Александрии», которая была популярным чтением в средневековой Руси, история жизни македонского царя приобретает легендарный характер и, в сущности, превращается в рассказ о поиске земного рая. Чтение «Александрии» сопровождает детство и юность главного героя, окрашивает период его любви к Устине. Однако в пересказе того, о чем читает герой, не передаются собственно исторические события. Упомянуты образы фантастических миров, в которые попадает Александр, но главное, заостряется мысль о бренности земного, о смертности сущего.

Вторая особенность – структурирование повествования в рамках соотнесения исторического и внеисторического начал.

Историческое время реализуется в романе через обозначение конкретных временных рамок повествования. События, описанные как основные, происходят во второй половине XIV – начале XV века. Точно датированы рождение (1440) и смерть (1520) главного героя. Обозначены и другие даты: смерть деда героя Христофора, возвращение Арсения на Русь из земли обетованной и др.

В романе воссоздается исторический облик эпохи через описание конкретных событий, введение исторических лиц, примет жизни Древней Руси второй половины XV – начала XVI века. Возникает, например, образ Кирилло-Белозерского монастыря с мощами Преподобного Кирилла, описываются моровые поветрия, жизнь монастырей и монахов-отшельников. И это воссоздание достигается обращением к текстам древнерусской литературы – летописям (Псковской, Белозерской), патерикам (Синайскому, Киево-Печерскому), житиям святых (Арсения Великого, Симеона и др.).

Уже в «Пролегоменах» проявляется позиция повествователя, который одновременно ведет свой рассказ из прошлого, из далекого XV века: *Говорили больные... Иногда им казалось, что вместе с тягучими, пропитанными болью словами мало-помалу из них выходила болезнь* [Там же, с. 8] – и из настоящего: *Средневековье не было временем сентиментальным* [Там же]. Последнее становится понятным, если вспомнить, что Средние века не назывались Средневековьем в ту эпоху.

Таким образом, своеобразная «погруженность» автора в эпоху проявляется и на уровне досконального знания уклада жизни, верований, и на уровне ее тонкого ощущения в запахах, звуках, формах и т. д. Указание же на отдаленность от описываемой эпохи обозначается и напрямую (*Нужно сказать, что княжеские покои в то навсегда ушедшее время не вполне соответствовали нынешним представлениям о дворцах*), и косвенно: в речи его и его героев, в своеобразной пропитке текста современным научным знанием, в деталях быта. Автор таким образом демонстрирует способность человека существовать одновременно в прошлом и настоящем, прежде всего через ощущение своей связи с главными началами жизни.

Однако ключевой для автора становится идея бытия вне истории. Она раскрывается прежде всего в жизнеописании главного героя романа – Арсения-Устина-Амбрисия-Лавра. Он проходит

путь от рождения до смерти, который определяется как искупление вины перед умершей в муках и без покаяния любимой женщиной и погибшим ребенком.

Уже обозначение двойной даты его рождения расширяет повествование до мирового контекста, вписывает его в мировое историческое время.

Композиция романа, включающая в себя четыре части: «Книга познания», «Книга отречения», «Книга пути», «Книга покоя» – тоже указывает на стремление Е. Водолазкина раскрыть путь героя не в движении исторического времени, а в прохождении человеком главнейших этапов его существования. Примечательно, что каждая часть романа заканчивается описанием смерти какого-либо из героев как его ухода в вечное время (старец Никандр, юродивый Карп, Амброждо Флеккия, сам Лавр).

Сам герой изначально тоже воспринимает время вне истории. Так, в первой книге появляется следующее описание: *У самой воды виднелись глубокие следы сапог рыбаков. Следы были полны воды и казались извечными. Раз и навсегда оставленными* [Там же, с. 31].

Кроме того, уже в детстве и юности к герою приходит ощущение жизни как круга. В детстве это проявляется в том, что он видит себя в будущем:

Глядя в печь, Арсений видел там порой свое лицо. Его обрамляли седые волосы, собранные в пучок на затылке. Лицо было покрыто морщинами. Несмотря на такое несходство, мальчик понимал, что это его собственное отражение. Только много лет спустя. И в иных обстоятельствах» [Там же, с. 33].

А позже, будучи старцем, герой, наоборот, видит себя маленьким мальчиком.

В четвертой книге – «Книге покоя» – время становится ключевой, сущностной категорией размышлений героя: *Не пошло ли время вспять, или – поставим вопрос иначе – не возвращаюсь ли я к некоей исходной точке? Если так, не встречу ли я на этом пути тебя?*» [Там же, с. 359].

Эти размышления подтверждаются самим ходом жизни Арсения, который включает в себя повторения событий. Он возвращается в Псков, начинает новый период борьбы с мором, и ему кажется, что он лечил прежде и эти болезни, и этих людей. Даже сны его становятся возвращением в прошлое:

И в снах его больше не было фантазий, это были правдивые сны – сны о бывшем. Время действительно возвращалось вспять. Оно не вмещало отведенных

ему событий – так велики и пронзительны были эти события. Время расплзлось по швам, как дорожная сумка странника, и теперь предъявляло страннику свое содержимое, и он рассматривал его как в первый раз [Там же, с. 361].

У Арсения возникает ощущение своего пути, которое соотносится с осознанием времени. Это проявляется в разговоре героя о движении по горизонтали и вертикали со старцем Иннокентием у Гроба Господня.

Все те представления о времени, которые присутствовали в его сознании, складываются в некую систему. Осмысление прерывности времени (*Он давно подозревал, что время прерывисто и отдельные его части между собой не связаны...*) [Там же, с. 370], его движения по кругу (*Время более не движется вперед, но идет по кругу, потому что по кругу идут насыщающие его события... время, любовь моя здесь очень зыбко, потому что круг замкнут и равен вечности*) [Там же, с. 375] приводит героя в конечном счете к мысли о временной спирали. Эта мысль звучит из уст старца Иннокентия: *Возлюбив геометрию, движение времени уподоблю спирали. Это повторение, но на каком-то новом, более высоком уровне. Или, если хочешь, переживание нового, но не с чистого листа. С памятью о переезде прежде* [Там же, с. 376].

В жизни героя, продолжавшейся во всем ее многообразии, хаотичности, начала просматри-

ваться какая-то общая направленность, когда Лавру стало казаться, что его жизнь движется к своему началу.

Однако попытка автора суммировать предшествующий опыт понимания истории вступает в противоречие с его сомнениями по поводу существования самого исторического времени. И поэтому в заключительной части романа звучит мысль о том, что движение истории определяется устремленностью к Богу. Но и она не утверждается автором как аксиома.

В этом смысле многозначна переключка начала и финала романа, в которых актуализируется идея «незнания».

Таким образом, роман Е. Водолазкина становится экспериментальным полем, в котором сознательно и очень продуктивно осмысливается сама возможность существования истории, но непреложной истиной становится лишь утверждение её вечного движения.

Список литературы

Водолазкин Е. Лавр. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 440 с.

References

Vodolazkin, E. (2015). *Lavr* [Laurus]. 440 p. Moscow, Publishing house ACT: Publishing office of Elena Shubina. (In Russian)

The article was submitted on 12.05.2016
Поступила в редакцию 12.05.2016

Махнина Наталия Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18
mahinin@rambler.ru

Сидорова Марина Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18
msidorovam@mai.ru

Mahinina Natalia Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mahinin@rambler.ru

Sidorova Marina Mihajlovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
msidorovam@mai.ru